

ЧАЙНА МЬЕВИЛЬ, МАРИЯ
ДАХВАНА ХЭДЛИ

ЛЕГА ЖЖЁТ

Часть сборника: Неприкаянные письма (сборник)

Чайна Мьевиль
Лега жжёт

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84(0)-44

Мьевиль Ч.

Лега жжёт / Ч. Мьевиль — «Эксмо», 2015

Мария Дахвана Хэдли – автор многочисленных бестселлеров Нью-Йорк Таймс: *Magonia* («Магония»), *Aerie* («Гнездо хищной птицы»), «Царица царей», краткой автобиографии под названием *The Year of Yes* («Год «Да») и книги *The End of the Sentence* («Конец предложения»), написанной в соавторстве с Кэт Ховард. Вместе с Нилом Гейманом она редактировала антологию «Фантастические создания». В издательстве «Фаррар, Штраус и Жиру» готовится к выходу ее роман *The Mere Wife* («Просто жена»), а также сборник рассказов. Ее новеллы, номинированные на «Небьюла» и премию Ширли Джексон, регулярно попадают в сборники лучшего за год. Ее творчество, среди прочих, поддерживают Колония Макдауэлл и Арт-Студия Джинистрелла. Чайна Мьевиль – пишет художественную и документальную прозу, живет и работает в Лондоне. «Мы постоянно помогаем друг другу писать и короткие рассказы, и большие тексты – редактируем, структурируем, балуемся с предложениями, но официально не сотрудничали еще ни разу, и вот сборник «Неприкаянные письма» дал нам такую возможность. Череп (Чайна) и русалка (Мария) показались нам двумя фрагментами одной вселенной. Идея насчет сильно сдавшего Мерлина, собирающего фрагменты своей разбросанной по миру магии в хранилище Мертвых Писем, возникла из нашего общего интереса к болезненной истории страсти Мерлина к его явно не лишенной гениальности юной возлюбленной и ученице-колдунье Нимуэ; а вот как появилась мысль заставить Мерлина поедать содержимое писем, никто из нас уже не помнит. Кстати, если читателю вдруг покажется, будто он понял, кто из нас написал ту или иную часть истории, спешим его разочаровать: ее совершенно точно написал другой. Один из авторов здорово повеселился, сочиняя стихотворные заклятия, а другой надорвал животик со смеху после фразы «Я опрокидываюсь в горизонталь и лечу».

УДК 821.111-312.9

ББК 84(0)-44

© Мьевиль Ч., 2015

© Эксмо, 2015

Чайна Мьевиль и Мария Дахвана Хэдли Лега жжёт

Середина утра сто тринадцатого дня восемьдесят седьмого года моей службы в этой занюханной конторе.

Я терпеливо жду, пока Адам, новый и чересчур любопытный сортировщик писем, свалит пить чай. Тогда приступаю к полкам сорокалетней давности. Я уже не вздыхаю, как раньше, перед началом работы и не призываю себя крепиться. Я привык. Достаю из кармана нож для разрезания писем, который все время ношу с собой, быстро вскрываю несколько первых попавшихся конвертов и заглатываю их содержимое. Радужная переводка в виде знака мира; поврежденное письмо от некоего двоюродного дядюшки, лишившего двоюродную племянницу наследства за сожжение лифчиков; шесть гнутых скрепок; бумажка в десять фунтов.

Результат, как обычно, нулевой, не считая рези в желудке, напоминающей язвенные боли, и общего расстройства пищеварения.

Чтобы успокоить свой несчастный желудок, я подсовываю ему сухую печеньку. Ах, если бы у меня остались хоть какие-то утешения, но нет, нет – она забрала их все. С первого взгляда я понял, что от нее надо держаться подальше, но не стерпел, влюбился, и вот – влип, как кур в ошип.

Когда я говорю, что понял, то имею в виду вовсе не предчувствие. Нет, я точно знал, что кончу именно так и именно здесь. Знал даже, какую рубашку я буду носить (она, кстати, кусачая). И то, что буду стирать себе зубы о чьи-то забытые сувениры, я тоже знал.

Адам вернулся – что-то слишком быстро. Веселый, как монах, перебравший травяной настойки.

– На вот, держи, старина, – говорит он и протягивает мне подмокший картонный стаканчик, до краев налитый молоком. Значит, пора и мне чай пить. Острый конец скрепки застрял у меня в зобу и колется, но я научился игнорировать такие вещи. Ощущение несчастья стало привычным. В последний раз я находил фрагмент того, что мне нужно, в 1989-м.

Так, значит, я несчастен? А что такое несчастье – патология оно по своей сути или нет? И можно ли считать несчастьем то, что уже давно вошло в привычку? Подобные вопросы стали занимать меня несколько десятилетий назад, после того, как я проглотил философский памфлет. Полагаю, что с тех пор феноменология и онтология проросли в меня, причудливо перемешавшись в моем сознании.

Да, и все-таки я несчастен. Определенно. Я беру еще пару конвертов и встряхиваю их так, будто мои пальцы не утратили былой чуткости и могут опознавать содержимое через бумагу. Но нет. Пальцы ничего не видят. Желудок болит. Возвращаюсь к новой норме. Кусаю. Жую. Глотаю.

Вообще-то здесь у меня есть и служебные обязанности, так что, когда мне надо еда давить содержимым конвертов, я начинаю перекидывать с места на место разные бумажки и делать чепуховые записи в журнал. И начальству приятно, и от меня не убудет. В журнале – мой дневник, куда я заносу все перипетии своих скорбных поисков.

Когда Адам отлучается в туалет, я проглатываю написанное стихами любовное послание, отправленное не по тому адресу, пластиковое колечко из того же конверта, полный набор марок с острова Бали и картонного рыцаря на боевом коне. Глотая этих двоих, я особенно надеюсь, что это окажется шутка в ее духе, но нет, к ней они не имеют никакого отношения. Рыцарь колет мне пищевод своим копьём, а конь лягается вплоть до самого желудка.

– Черт, старик, это у тебя что, в животе так бурчит? – спрашивает Адам. Я не слышал, как он вернулся. – Твои кишки уже вошли в легенду, ты знаешь?

Я был польщен, когда он впервые назвал меня легендой. Думал, вот наконец-то у меня появился ученик. Но потом я понял: у него что ни барахло – то легенда, и мои восторги сразу прошли. Мало того, он еще и сокращает это слово до фамильярного «лега». Меня он, правда, легкой пока не называл, но не сомневаюсь, скоро и до этого дойдет.

Я отвечаю ему пустым ледяным взглядом голубых глаз, и он отводит свои. Мой фирменный прием, специально для таких случаев. Свою длинную белую бороду я иногда завязываю в узел, что страшно нервирует всех вокруг, в том числе и меня. Не так давно я видел себя в зеркале. Ну, что сказать? У меня никогда и в мыслях не было доживать до такой старости. Это все она виновата.

В жизни каждого человека бывает любовь, которой лучше бы не было. Она – моя такая любовь. Правда, она сказала бы, что я сам во всем виноват. И прибавила бы, что все, о потере чего я так теперь жалею, я тоже отдал ей сам, и не просто отдал, но, стоя на коленях, умолял принять от меня в дар.

И она была бы права. Но я все равно повторяю: берегитесь молодых женщин. Все они воровки.

Я рыгаю – у моей отрыжки привкус олова и краски, скорее всего, свинцовой. Адам бросает на меня полный отвращения взгляд. Вообще-то теперь он мне симпатизирует, я знаю, но в первый день, когда он только пришел сюда на работу, я слышал, как он спрашивал у начальства, почему меня до сих пор не уволили.

Начальство – оно, конечно, тут всему голова, но только не мне. Представляю, как их перекосило, когда он задал им этот вопрос: власть-то свою показать хочется, но со мной они вроде как не при делах. Если парнишке хватит времени – что вряд ли, на этой работе люди обычно надолго не задерживаются, – он поймет то, что известно всем здешним старожилам: я просто есть, и все тут. В смысле, был здесь всегда. Когда они зелеными новичками пришли на эту почту, я уже был древним, как мир, и нисколько не изменился с тех пор: все так же люблю пошарить в хранилище корреспонденции, не нашедшей адресатов, а эпическое ворчание моего кишечника предупреждает о моем появлении за несколько секунд до того, как я выйду из-за угла. Правда, есть и то, чего они не знают: вся моя работа с журналом и прочими документами просто курам на смех. К тому же, за давностью лет, никто уже не помнит, кто тут мой непосредственный начальник и имеет полное право дать мне пинка, если вдруг надоест меня терпеть. Так что на меня просто махнули рукой.

Никто ведь не ждет от стражей лондонского Тауэра, что они начнут прогонять оттуда воронов, верно? Я – такая же институция, как эти вороны, а институции на пенсию не уходят.

Нет, они, конечно, ушли бы, если бы могли. Больше того, умчались бы, не помня себя от счастья, и ни разу не оглянулись бы. Но два фрагмента еще не найдены, они еще лежат где-то здесь, в конвертах. Уйти без них? Тогда я проиграю, ведь в самой сердцевине уже завелся большой червь, он движется, и движется быстро. Значит, надо закончить начатое. А для этого мне нужна почта.

Я достаю свой последний платок с монограммой и протираю им лезвие моего ножа для писем: что-то розовое и липучее пристало к нему. Я стараюсь держать его в чистоте: он не такой броский, как некоторые другие ножи, зато отменного качества; кроме того, он у меня давно, а в отделе мертвых писем попадаетеся на удивление много всякого дерьма.

Мои поиски продолжаются уже не одну сотню лет. Где и какое только барахло я не перебирал, за кого только не выдавал себя, но работенки хуже этой мне пробовать не доводилось. Эх, вот были же времена: дойдет, бывало, до меня какой-нибудь слух, я сразу хоп на коня и еду – то с драконом сражаться, то основание башни сотрясать. Разок-другой удалось даже добыть таким путем пару своих фрагментов. Но были, конечно, и другие годы, бестолковые, когда я лишь обсасывал драгоценные крохи того, чем был когда-то, шел по давно простывшему следу и охотился за бесполезными артефактами. А между тем мир вокруг меня

вертелся и прихорашивался, и наконец превратился в эдакое гламурное золоченое яблочко с прогнившей середкой, из которой мне еще предстоит выцарапать последние кусочки себя.

Долгая это история. Цепочка информаторов, проклятие, висящее над головой, словно меч, и то, что я поначалу счел за чистую глупость, – обещание, что если я проглочу некую вещичку, вытасченную мной из смятого конверта, который я самолично украду с полки в доме, где хранятся потери, то эта проглоченная вещичка распустится во мне моей сугубой сущностью и заново пропитает меня всего от кишечника до кончиков ногтей – так вот, эта чушь оказалась самой что ни на есть чистой правдой. А все остальные мои поиски так и остались безадресными, бесполезными и ни к чему не привели.

С тех пор как начался этот жуткий почтовый квест, я все жую и жую заблудившиеся письма, из года в год и из десятилетия в десятилетие надеясь, что вот-вот мои зубы вопьются в то, что было украдено у меня так давно.

Никаких внешних проявлений у этих вещей нет. Единственный способ проверить, они это или не они, – съесть их. Стоматология, в общем и целом достигшая феноменальных успехов в сравнении с тем, какова она была при моем начале, теперь находится в ведении Национальной Службы Здоровья, так что мои зубы сточились уже до пеньков. Я ел сонеты и коллекционные марки, порнографические снимки, сделанные на «полароид», и политические памфлеты. Я изжевал целый сборник иллюминированных средневековых рукописей, где каждая иллюстрация перевирала какое-нибудь историческое событие: я-то знаю, ведь я сам был их свидетелем. Я грыз комиксы. Однажды, подозревая, что она с удовольствием заставила бы меня есть носки, я проглотил пару женских шерстяных чулок с рисунком из часиков – чуть не подавился.

И оказался прав: именно они, съеденные и переваренные мною в 89-м, вернули мне немалую долю былых способностей, а еще они дали мне услышать тихий, как эхо, смех. С ноткой отчаяния: ей никогда не удавалось одурочить меня полностью, даже когда она всюю распространялась о том, что именно задумала. Но с тех пор все, что я ел, было съедено напрасно. И я отчаялся. Ведь строительство скоростной ветки метро уже в разгаре, и проходчики шарят в лондонской утробе, как в своем кармане. Я видел их план, а ведь я хорошо помню карту окрестностей и понимаю, куда они подбираются; пройдет совсем немного времени, и проходческий щит, огромный, точно дракон, пронзит своим бешено вращающимся буром душу Альбиона, спящую в подземельях Лондона. Так что пора мне собирать свои пожитки – я имею в виду части самого себя, – а не то самодвижущаяся подземная платформа ворвется в пещеру, где пол усыпан огрызками яблок. И никакого хеппи-энда.

Адам – благослови Бог его любопытную душу – уговаривает меня прогуляться с ним после работы в паб. Я вижу, как вытягиваются лица у начальства, когда они слышат наш разговор. Очаровательно. Я решаю принять его предложение – частью ради того, чтобы сбить его со следа, а то он уже начал что-то подозревать, – а частью, чтобы позлить их. В пабе мы берем по пинте пива.

– Что у тебя, проблемы с твоей миссис? – начинает Адам. Господи, до чего же у меня паршивое настроение.

– Она была ведьмой, – отвечаю я. Умалчивая, правда, о том, что я и сам колдун.

– Ха, парень! – смеется Адам. – Брось! Мне ли не знать, как это бывает! Но ты не должен позволять ей портить тебе пищеварение. Как ее звали, эту твою леди?

– Вивиан, так ее звали одни, – отвечаю я. Черт, похоже на начало баллады. Этого еще не хватало.

– Одни, значит? Вот как? Ну... а ты как ее звал, друг? – Адам похож на всех дураков разом: и тех, что я еще встречу в будущем, и тех, что уже встречал в прошлом.

Я скручиваю бороду в кукиш и тут же разматываю ее обратно. В глотке у меня застрял обрывок запрещенного издания «Улисса». Моя возлюбленная всегда имела склонность к

скандальным текстам. Пару дней назад я съел Эпизод 4, «Калипсо», и Эпизод 15, «Церцея», потому что думал: наверняка она распахала остатки моей магии по эти двум ведьмам, разве она упустит такую возможность меня позлить? В самом деле, не в Молли же Блум ее складывать. Моя возлюбленная никакая не Пенелопа. Уж она-то не станет сушить дома пятки в ожидании благоверного; нет, это меня она превратила в Пенелопу, а сама помчалась по Англии в поисках приключений. Пока не перестаралась. Но книга была как книга, обыкновенная: бумага да чернила. У меня до сих пор весь язык в пятнах и привкус йода во рту.

– Нимуэ, – говорю я наконец со вздохом. Конечно, я все еще люблю ее, хотя гадостям, которые она мне сделала, несть числа. Сначала, по ее милости, я сто лет сидел на сосне, считая ее за башню, потом еще век бродил по Риму, замотанный в волчью шкуру. Какое-то время я был пригожей девицей, что оказалось совсем не так приятно, как можно было ожидать, а потом триста лет дремал на городской площади, где на меня гадили голуби и садились все, у кого болели ноги.

Я еще только начинал заглядываться на нее, а уже знал, как все будет. С пророчествами вечно так: портят все удовольствие. Цель их, конечно, ясна: кто предупрежден, тот вооружен (в таком роде). В смысле, если знаешь будущее, то, конечно, постараешься сделать так, чтобы его не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.